

16+

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

БЕРАНИКА.

МЕДВЕЖЬЕ СЧАСТЬЕ

Джейд Дэвлин

Бераника. Медвежье счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67928040

SelfPub; 2022

Аннотация

Ради жизни внучки пойдешь на все, к тому же оплата – спасение других детей. Мир чужой, опыт свой, тело молодое – справимся! Тем более у врага мужа есть честь, совесть... и мало ли еще какие чувства к красивой девушке?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	79
Глава 13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Джейд Дэвлин Бераника. Медвежье счастье

Глава 1

11 мая 2001 г. Ближнее Подмосковье

– Баб Ника! Баба Ни-ика! Да баба Ника же!!!

– Ну чего орешь-то? – статная, высокая, жилистая и еще очень крепкая старуха с повязанными короной вокруг головы седыми косами вышла из теплицы и бросила недовольный взгляд на соседскую дочку, которая колотилась в огородную калитку позади участка и во весь голос звала хозяйку.

– Баб Ника! – с укором и возмущением выпалила загорелая голенастая девчонка. – Баб Ника, вы опять забыли за телефон заплатить?

– Да ничего я не забыла, ишь, забывчивую нашла, – Вероника Андреевна быстро ополоснула руки под уличным ручкомойником и, вытирая их чистым и отглаженным льняным полотенцем, поинтересовалась: – Так чего блажила? Или позвонить надо? Ваш не работает? Не колотись в калитку-то, там вон петля между досками, руку протяни, дерни за веревку.

вочку, дверь и откроется.

— Да некогда! — девчонка сердито сдула соломенную прядку со лба. — Бегите в дом, баб Ника, там ваши звонят и дозвониться не могут! Никуша в больницу попала... что-то серьезное.

— Так чего ты мне голову морочишь столько времени! — всплеснула руками старуха. — Сразу и говорила бы!

Возмущенного и обиженного фырканья она уже не услышала — подхватилась и совсем молодой еще, шустрой рысцей направилась через просторный двор к дому.

Через два часа такси остановилось в районе Якиманки, и выбравшаяся с заднего сиденья Вероника Андреевна быстро пошла к приемному отделению Морозовской детской городской больницы.

Там она долго не задержалась, и, хотя время приема посетителей еще не наступило, решительную и сумрачную старуху с тяжелым взглядом почти без препирательств пропустили в неврологическое отделение. Сначала к главврачу, а потом и к праправнучке. Медсестра проводила ее до нужного коридора, указала на дверь возле окна и ушла.

Баба Ника на секунду приостановилась, прикрыла глаза и постаралась перевести дух. Потом вынула из сумки белоснежный платок с промереженными уголками и вытерла лицо. Мельком глянула на свое отражение в стеклянной двери, сердито сдвинула брови.

«Чего встала, старая? От твоей трусости дело не попра-

вится. Взяла и пошла!»

В коридоре было пусто, двери палат плотно закрыты, и только та самая, последняя в ряду, возле окна, немного отошла от косяка. Вероника Андреевна подошла и невольно прислушалась.

Разговор велся на повышенных тонах. Мужской голос с неприятными истерическими нотками заполнял палату, почти заглушая невнятные тихие всхлипывания.

– Не говори глупостей, ты совсем дура?! Ты хоть понимаешь, что это за диагноз?! Это уже не ребенок, это все равно что труп! Заткнись! У нас ипотека и кредит на машину, забыла? Если ты сейчас не выйдешь из декрета в свой банк, а начнешь еще и мои деньги на содержание безнадёжной инвалидки тратить, мы в долгах как в шелках запутаемся, понимаешь ты это куриным своим мозгом, нет?! Я сказал, подпишешь отказ, и пусть забирают в интернат, в детдом для уродов, куда там такое принимают... **ЗАТКНИСЬ!** Ты понимаешь, что такое – эта болезнь?! Это приговор с отсрочкой – медленная казнь! Забеременеешь и родишь нового! Но чтоб все анализы сдала заранее, поняла, тварь порченная?! Что «нет»?! Что «нет»?! Я сказал, подпишешь! А попробуешь дернуться – я тебя сам выкину на улицу, идиотку, вместе с твоим отродьем, подыхайте под забором!

Из палаты вдруг раздался звук пощечины и чуть более громкий вскрик, перешедший в рыдание, и Вероника Андреевна почувствовала, как этот звук словно по волшебству

разбил ледяное оцепенение, которое охватило ее возле этой аккуратно покрашенной в белый цвет двери с вставкой из рифленого стекла.

Огненным валом по враз ослабевшему телу прокатилась ярость, выжигая противную дрожь. И уже в следующую секунду жилистая старуха как щенка за шкурку подняла и отбросила к стене хлипковатого «менеджера» в модных очках без оправы и дорогом офисном костюме.

Только мельком глянув на правнучку, испуганно сжавшуюся у кровати с ребенком, Вероника Андреевна перевела тяжелый взгляд на зятя. Узкая в кости, жилистая, все еще не по возрасту сильная старуха легко удерживала ошалевшего от такого напора мужчину у стены, а когда он встретился с ней глазами, ругательства застряли у него в горле и вместо возмущенного вопля из него вырвался слабый сип.

– Слушай меня, слизняк, – тихо сказала старая женщина, а у ее недобровольного собеседника отчего-то холодок побежал вдоль спины. – Сейчас ты выйдешь отсюда и навсегда забудешь, как зовут мою правнучку. Ипотека эта ваша на ее имя оформлена, как и кредит на машину. А потому собирай манатки, и чтобы духу твоего не было. Молчи!

Баба Ника легко, как куклу, встряхнула дернувшегося и попытавшегося что-то вякнуть мужчину.

– Только попробуй, тля поганая, лапы свои протянуть к моей правнучке и ребенку. Только попробуй им еще хоть каплю беспокойства доставить, – ледяной взгляд буквально

пригвоздил бывшего уже зятя к свежей штукатурке. – Раздавлю как таракана. И никакая милиция тебя не защитит. А посадят за убийство – так и не жалко, я на этом свете почти сто лет прожила и ничего уже не боюсь! Сейчас выйдешь отсюда, погань двубортная, и пойдешь в ЗАГС. Заявление на развод подашь. Без материальных претензий. И отказ от отцовства. Если, конечно, жить еще хочешь... Пшел!

Увесистый пинок придал недавнему родственнику скорости, и он едва не открыл дверь собственной головой. В последний момент успел руки вперед выставить, вылетел из палаты как пробка. И припустил по коридору, не оглядываясь.

Проклятая бабка напугала его едва не до мокрых штанов. В бледно-голубых, выцветших от возраста глазах он ясно увидел – не врет. У этой падлы, которой уже лет двадцать на кладбище прогулы ставят, хватит и сил, и решимости. Сядет за убийство, старая гадина, и бровью не шевельнет. Да к черту эту проклятую семейку! К черту! Пусть сами с инвалидом возятся, а квартира и машина... недостроенная однушка у черта на рогах и паршивая девятка с пробегом – невелика потеря! Он своей зарплатой и не вкладывал, на отдельном счету держал... Просчиталась бабка, у него там денег достаточно, чтобы он не захотел их при разводе делить. И зарплата хорошая, белая. А алиментов эти идиоты теперь точно не потребуют. Ну и кобыла с воза...

Под эти успокаивающие и восстанавливающие треснувшую самооценку мысли молодой менеджер среднего звена

навсегда покинул Морозовскую больницу, даже самому себе не признаваясь, что смертельный ужас, глянувший на него из льдистых старческих глаз, теперь надолго останется его тайным кошмаром.

— Тш-ш-ш, моя донюшка... поплачь, детка, поплачь. И слава богу, что никчемук этот, простигоспади, сейчас нутро свое гнилое показал, а не когда поздно стало... а сейчас не поздно, ну что ты, маленькая. Все хорошо будет! Разве бабушка тебя когда обманывала? Я у главврача все о диагнозе Никушином узнала и про будущее поговорила. Есть уже лечение, а что за границей и очень дорого — не беда. Сегодня же позвоню Адам Израиличу, он давно дом купить хотел. И квартиру московскую мою продадим. Мне на старости и комната в коммуналке сгодится, зато денег хватит. А что дом? Что прадед? Всю жизнь строили? Я раньше ни за какие деньги не хотела продавать? То раньше было. И прадед твой, если бы жив был, на месте б слизня этого очкастого раздавил, а дом сам бы первый продал. Ну все, Настюшка, не реви. Ребенок проснется скоро, ей мама отдохнувшая и веселая нужна. Ложись поспи, я подежурю... А завтра и родители твои из своей заграницы прилетят, позвонила уже. И дядья с Урала не задержатся — надо проследить, чтоб обмылок этот все по закону сделал в ЗАГСе. Что значит «не надо было беспокоить»? Мы семья. Кровь не водица. Все, спи... спи, маленькая моя... Вот как по полю сон пойдет да баюшечку найдет... колокольца-васильки, спят-то в печке уголь-

ки... птички спят, и мышки спят... детки тоже спать хотят...

Вероника Андреевна поправила свою кофту, которой укрыла поверх тонкого больничного покрывала плечи правнучки, и тихонечко погладила девушку по коротко, по нынешней моде, стриженной голове. Хорошая кофта, мягкая, уютная, из очень дорогого импортного кашемира, внуки подарили. Маленькая Настенька в нее любила заворачиваться. «Баба, тобой пахнет! Буду в ней спать!»

Спи, птенчик... Баба подежурит, поухаживает.

Вероника Андреевна подошла к детской кроватке в другом углу палаты и склонилась над спящей праправнучкой. Острая игла боли вонзилась в бок – почему так несправедливо, Господи? За что детю невинному муки такие? Она, старуха, уже под сто лет, все живет и живет, здоровье всем на зависть, даже с телевидения приезжали, передачу снимали о ней как о феномене. А зачем ей тот феномен? Зачем жить? Отжила уже свое бывшая дворянская дочь, «контрреволюционный элемент», ссыльная поселенка, жена колхозного тракториста, мать, бабушка, прабабушка.

«Да забрал бы кто все то здоровье, что осталось, – с тоской подумала старая женщина, бессильно опираясь лбом о сложенные на спинку кровати сильные морщинистые руки. – Все б ребенку отдала, ни секунды бы не пожалела...»

– Ишь, хитрая! – раздался незнакомый скрипучий и высокий, мультяшный какой-то, голосок в темноте. – Дай вам боже, что нам негоже! За так даже кошки не родятся, а те-

бе остаток стариковский на молодую жизнь поменять? А не много хочешь?

– Ты кто? – Вероника Андреевна попыталась открыть глаза, но темнота не исчезла. Только мерзкое хихиканье стало громче и ближе. – Сгинь, сила нечистая!

– Почище некоторых, – обиделся голос, но все равно продолжил после паузы: – Хочеш-шь сделку, старая? Только на моих условиях!

– На каких твоих условиях? – баба Ника уже пришла в себя, как обычно, быстро сориентировалась... попыталась. Когда вокруг темно и не чувствуешь собственного тела – трудное это занятие.

– Твой остаток слишком мал, чтоб за внучку заплатить. Но можешь отработать... жизнь за жизнь. А раз мои условия – то за одного ребенка я четверых возьму!

– Каких еще четверых?! – напряглась Вероника Андреевна. – Ты что предлагаешь, вражина?! Чтоб моей кровинке жизнь другими смертями покупать?!

– Тьфу, дура старая, – снова обиделся голос. – Но принципиальная, надо же. Это хорошо... Значит, так. Спасешь четыре жизни, сэкономишь род, вернешь имя и дворянство... а чтоб не обзывалась, еще и пятую жизнь тебе в нагрузку – только ту сама отыщи! Тогда внушка твоя здорова будет. А не справишься... значит, не судьба ей выжить. Согласна?

– Согласна, – без тени сомнения ответила старая женщина. Сон, не сон... чистый, нечистый... какая разница. Она б

и наяву согласилась. — Говори, кого спасать.

— А сама увидишь, — захихикал голос. — Разберешься... память я тебе солью. А раз согласна...

И голос вдруг изменился, рывкнув оглушительным басом:
— Договор заключен!

От этого вопля окружающая тьма брызнула осколками, Вероника Андреевна вскрикнула, закрывая несуществующее в пустоте лицо несуществующими руками... и открыла глаза.

Первое, что она увидела, — это свои же руки на фоне незнакомого бревенчатого потолка, потемневшего от времени. И руки эти... вот сила нечистая! Руки были свои, знакомые, но молодые.

Глава 2

Чей-то довольно неприятный голос монотонно был на одной ноте. От этого звука мысли в голове дробились в мелкую стеклянную крошку, перемешиваясь и норовя сбиться в ком.

Вероника Андреевна зажмурилась и с силой открыла глаза, попытавшись инстинктивно оттолкнуть руками... нечто.

Но под пальцами ощущался только воздух. Вероника Андреевна снова всмотрелась – она уже и забыла, когда на руках не было старческих пятен, морщин, мозолей и старых шрамов. Такие тонкие запястья, нежные пальчики и ровная кожа у нее были очень и очень давно...

От этой мысли противный вой вдруг захлебнулся и смолк, и только тут баба Ника поняла, что выла она сама. Так выла, что теперь болит сорванное горло. Она резко села и тут же поняла, что до этого момента лежала на полу, прямо в луже разлитой воды, и... так. Прекратить истерику!

Горло, из которого попытался снова вырваться знакомый уже сиплый вой, тут же перехватило, и женщина несколько минут мучительно откашливалась, сжимая голову ладонями. Она закусил губу до крови, пытаясь справиться со взорвавшейся в затылке болью. И терпела. Терпела. Терпела...

Потому что вместе с огненными волнами в память вливались все новые и новые знания. Или воспоминания? Неважно.

Детство... родители... старый парк между холмами и гувернантка, мисс Аттвуд... языки, книги и куклы... маменька всегда занята, у них с папенькой гости... надо быть хорошей девочкой, правильно делать книксен, опускать глазки и отвечать на вопросы только тогда, когда спрашивают.

Пансион и стильный дортуар, где семнадцать девчонок стараются заснуть под тонкими вытертыми одеялами... овсянка на завтрак и уроки фортепиано... Мадемуазель Коршевская, девушке в вашем возрасте неприлично так громко смеяться!

Девчачьи сплетни и любопытные взгляды через забор, туда, где по улицам большого города гуляют молодые, холостые, загадочные существа – мужчины. Весна, острый запах распускающихся листьев на березе у ворот пансиона, неясные желания, мечты, модный роман под подушкой, его дали только на одну ночь, другие пансионерки ждут своей очереди почитать запрещенную классными дамами книжку...

Выпуск. Слезы. Папенька умер, когда она сдавала экзамены, а маменька ей даже не написала.

Первое лето после похорон... Осенний бал дебютанток, жгучий взгляд из-под неровных черных прядей. Качнувшийся под ногами зеркальный паркет и замершее на мгновение сердце...

Граф Аддерли. Вдовец, красавец, душа любой компании, загадочный, неотразимый.

Бальная книжечка, где расписаны танцы и против всех приличий на каждой страничке всего одно имя... Мимолет-

ные встречи у храма, долгие многозначительные взгляды, завистливые шепотки маминых подружек и их дочерей, бал у Валежничей... Первый в жизни бокал вина, горящие щеки и быстрый поцелуй на террасе, за портьерой. Срывающийся шепот и головокружение, счастье и страх.

И вдруг его отъезд – стремительно, без объяснений, ни письма, ни записки. Месяц мучений, тайных слез, маменькиных причитаний, пропущенных балов.

И вот он вернулся! С кольцом! И предложением... Конечно, все плохое мгновенно забыто, тем более что лорд Аддерли, Эдриан, все объяснил! Рассказал только ей, ей одной доверил тайну. О том, что долг позвал его, о том, что некие дела могли нести угрозу невинной девушке, о том, что жизнь его полна опасностей и одиночества и только она может помочь...

Счастливое полубеспамятство до самой свадьбы, венчание, белая карета, солнце в его глазах. И четверо детей, за воспитание которых леди Аддерли теперь отвечает. Это такой сюрприз наутро после брачной ночи, во время которой тоже случилось... не совсем то, чего она ждала, начитавшись дамских романов и наслушавшись невнятных, скомканных и торопливых маменькиных объяснений.

Медовый месяц кончился как-то очень быстро. Муж стал появляться только поздно вечером и то не каждый день. У него очень важные дела, а новая леди Аддерли должна уметь вести дом. И находить общий язык с двумя подростками, не

принявшими мачеху, и двумя малышами, с которыми она просто не знает, что делать. Няньки, гувернантки, требующие распоряжений и вдруг увольняющиеся без предупреждения. И волшебный возлюбленный, недоуменно поднимающий брови за поздним ужином:

«Дорогая, я очень занят. Будь любезна заняться этим сама».

Какие-то непонятные люди, посещающие ваш дом, странные слухи, маменькино письмо, в котором она явно пытается о чем-то предупредить, но о чем? Счета, счета, счета, которые муж вдруг перестал оплачивать и очень сердится на ее робкие попытки напомнить, что гувернантке задолжали жалование за два месяца, а бакалейщик уже отказался отпустить провизию в долг. Денег сейчас нет! Они все вложены в очень важный проект, надо подождать...

Робкое напоминание о ее приданом и резкая, неожиданная пощечина от внезапно впавшего в бешенство лорда. Да как она смеет упрекать в чем-то мужа?!

Она испугалась... ничего не поняла, пытаюсь разгрести с грохотом осыпавшийся вдруг мир вокруг. А муж лишь зло бросил в стену чашку тонкого фарфора и ушел.

Чтобы не вернуться. А еще через день в дом пришли королевские гвардейцы, погрузили ничего не понимающую молодую женщину и едва успевших похватать то, что ближе лежало, детей в простую карету и...

За участие в заговоре против императора лорд Аддерли

был приговорен к лишению титула, имущества и ссылке всей семьи за Северный Хребет. Там, за Оседлец-камнем, у прабабки его молодой жены когда-то было поместье, от которого теперь осталась одна заимка на краю Хотимской чащи. Деньги в банке, землю в центральных губерниях, дом в столице – все конфисковали. А старый деревянный сруб и кусок заброшенной неудобницы оставили – в знак особой милости.

Милости... милость – это не казнить сразу, а дать возможность опальному семейству прочувствовать весь ужас медленного умирания. От голода, холода и унижения. Потому что свободно вращавшийся в высших кругах лорд, его выросшие при гувернантках дети и молодая жена, за всю жизнь не державшая в руках ничего тяжелее тонкой иглы для вышивки шелком, оказались совершенно беспомощны и не приспособлены к жизни нищих ссыльнопоселенцев, к тому же пораженных в правах и беззащитных...

Первым не выдержал сильный мужчина. Отец семейства и муж-опора. Недоедание, унижительные процедуры регулярных проверок лояльности, мелкие чиновники, разговаривающие с бывшим лордом через губу. Текущая крыша, бесконечные жалобы детей, их нытье, кашель, слезы. Необходимость работать – работать! На заготовке леса. За жалкую миску каши для семьи и ведро угля. Пренебрежительные взгляды вонючих смердов из соседнего села и, как апофеоз смертной муки, – позорная зуботычина от какого-то околоточного, решившего потешить самолюбие за счет бывшего

дворянчика.

Все это оказалось слишком для сильного мужчины. И он... повесился в сарае, оставив жене записку, полную высоких трагичных фраз о том, что чем так жить – лучше и не жить вовсе.

Вероника Андреевна разжала сведенные судорогой зубы и рвано выдохнула. Водопад памяти, вливавшийся в ее мозг с грохотом и болью, стих, превратившись в тоненький ручеек отдельных воспоминаний. Женщина зло дернула головой и смяла в комок лист бумаги, исписанный ровными изящными строчками. Предсмертную записку «мужа», чтоб ему на том свете черти вилами мозги вправили.

Вот так. Не смог он, бедненький, заигравшийся в заговоры романтичный герой, пересилить невыносимость бытия и поэтому бросил молодую жену и детей подыхать с голоду самостоятельно.

А она теперь не Вероника Андреевна Вишнеева, по мужу Седлецова, без малого ста лет лет от роду, а Беран Аддерли, двадцати лет, в девичестве Бераника Коршевская. Вдова ссыльного бунтаря, пораженного в правах. Нищая, неблагонадежная, лишенная всех привычных удобств и привилегий, в глуши, среди недоброжелательно настроенных соседей. И ее задача – выжить самой, вытащить четверых чужих детей и... что там голос говорил? Вернуть роду имя и дворянское достоинство, а также еще самой найти и спасти пятую жизнь. Как там говорила мадемуазель Очанси, когда рассматривала

криво заштопанный первокурсницей-малявкой чулок? Прэ-лестно, просто прэлестно!

Глава 3

Самое странное и даже, наверное, смешное, что жизнь этой девочки, в тело которой я попала, очень похожа на мою собственную. Правда, я не вышла замуж за блестящего графа, но вот пансион, первый бал, первая любовь, маменькины тревожные наставления и рухнувший в одночасье мир у меня тоже случились.

Как же давно это было, а помню лучше, чем той памятью, что досталась мне от Бераники.

Вероника Андреевна Вишнеева, мадемуазель Вишнеева, Вишенка – так звали меня соседки по дортуару... Уже война была, Первая мировая. Мы после занятий ходили в госпиталь помогать сестрам милосердия, сматывали при свечах стиранные и прокипяченные бинты до полуночи, а потом стылыми петербургскими улицами под охраной старого истопника Сергеича и классной дамы Анны Леопольдовны бежали в пансион...

А он был поручик Первого Преображенского полка, блестящий гвардеец, раненный в боях под Гродно... Александр Галичев. Саша. Сашенька. И бал был – в Офицерском собрании, куда пригласили старшекурсниц Смольного и выздоравливающих офицеров из госпиталя. Перед отправкой на фронт.

И голова кружилась, и сердце замирало, и первый поцелуй

был... и письма с фронта, и обещанная свадьба.

А потом он погиб – застрелили в спину взбунтовавшиеся в окопах солдаты. Это было осенью, в начале октября, и рухнувшее на землю небо навсегда пропиталось запахом дыма от костров, в которых дворники сжигали опавшие листья. Письмо от Сашиного командира тоже упало в костер из моих ослабевших пальцев.

А потом... а потом мир рухнул окончательно. Сошел с ума, превратился в бредовый карнавал страшных масок.

Кто был прав, кто виноват в том революционном октябре, я, ученица последнего курса Смольного института пятнадцатилетняя Ника Вишнеева, не очень понимала – в голове была мешанина девичьих романтических глупостей, мечтаний, грез, романов... но реальность ворвалась в эти розово-облачные райские кущи сожженным письмом, голодом, холодом, неизвестностью и нешуточной угрозой попасть под толпу пьяной от крови революционной общественности... В те первые дни ужасов и боли в Петрограде было куда больше, чем справедливости. И писем от родителей не было... хотя какие там письма.

Я резко встряхнула головой, прогоняя хоровод воспоминаний, – не ко времени это. Что было, то прошло, и в прежней жизни, и в нынешней. А сейчас надо хотя бы оглядеться. Не планы по спасению чьих-то жизней строить – нет, разобраться в самом простом и необходимом. Где я? Что вокруг происходит именно сию минуту?

Медленно, все еще осторожничая и не веря в новое, молодое тело, я поднялась на ноги. Мокрый пол, с которого я встала, оказался деревянным, сложенным из могучих толстенных половиц. И весьма грязным – словно год не то что не мыли – не подметали нормально.

Взгляд скользнул по обрывкам каких-то бумаг, клубам пыли и чего-то похожего на кошачью шерсть, по другому невнятному мусору... ага. Довольно большая квадратная комната, почти пустая. Стены бревенчатые, между толстыми стволами бывших лесных великанов кое-как проконопачено мхом и чем-то похожим на старую паклю. Два окна прямо передо мной – маленьких и затянутых какой-то неравномерно-прозрачной пленкой.

Слева от меня дверь, судя по тому, что она обшита драной мешковиной для тепла, – на улицу. Справа большая, просто огромная, печь, выступающая из стены давно не беленым кирпичным бастионом, с широко разинутым темным зевом пустой топки. По бокам от нее еще две двери, они должны вести куда-то внутрь... ах да!

Мысленно вызвав на поверхность сознания память Бера-ники, я еще раз огляделась, теперь более осмысленно. И не выдержала, начала ругаться вслух последними словами.

Вот скажите мне, какие нормальные хозяева, имея кирпичную печь, причем умело поставленную в центре избы, так, чтобы греть сразу три комнаты, будут почти без толку ведрами жечь дорогой уголь в жестяной буржуйке, да еще и

воткнул ее чуть ли не у входной двери?!

Пол под железными ножками обуглился, стена за буржуйкой подгорела, потолок закоптился, труба... Боженьки, они дыру прямо над дверью пробили! В толстенной лиственнице! И запихнули туда жестяной раструб, кое-как забив оставшиеся щели тряпками. Вандалы! Нет, хуже. Идиоты!

Я сделала пару шагов, чуть ли не вслепую нашарила березовый чурбак, заменявший в этом доме табуретку, и почти без сил на него рухнула. Как там во внуковом программировании говорилось? «Распаковался очередной архив». То есть новой памяти прилетело.

Бедная девочка... Мне-то в свое время и труднее пришлось, и проще. Труднее – потому что «бывшую эксплуататоршу» и «нетрудовой элемент» отправили в Сибирь не в теплой кибитке с сундуками пусть и наспех, но собранных вещей, а в чем была, в «столыпинском вагоне», где еще почти сотня таких же ехала... и в Нижнем Тагиле поселили нас в промерзлом бараке, а не в добротной избе.

А проще – потому что была я из обедневшей дворянской семьи, в Смольном училась за казенный счет и, в отличие от богатой невесты Бераники, с какого конца печку топить, знала.

Эх... да что вспоминать прошлую жизнь, хватит уже.

Так. Стало быть, это и есть дом на «заимке», то, что осталось от поместья прабабки. До того, как ссыльная семья Аддерли нынешней весной доехала до места своего будущего

заклучения, здесь уже почти двадцать лет никто не жил. Дом отсырел, дымоход в большой печи то ли забит, то ли где кирпич в трубе обвалился, но топить ее оказалось невозможно, а прочистить они не догадались. Да и не умели.

Они вообще ничего не умели... и не умеют. И учиться не хотят. Справа от печки дверь в детскую, где, укутанные во все тряпье сразу, лежат на кое-как сколоченной из занозистых досок кровати двенадцатилетняя Эмили, десятилетняя Кристи и маленький Шон, которому всего шесть. Все трое кашляют уже почти месяц и по очереди наливаются болезненным беспомощным жаром. Только на поправку вроде – то ноги промочили, то воды холодной из колодца нахлебались, то вон в последний раз без спросу отправились на рыбалку, в очередной раз поцапавшись с деревенской детворой и на слабо соорудив себе удочки из палок и шелковых ниток... Провалились в тину по пояс, утопили пусть не единственную, но, черт возьми, чертовски дорогую по нынешним временам приличную обувь... А слова мачехи, пытавшейся как-то ограничить их самоубийственные порывы, дети дружно игнорировали.

Во-первых, папенька сказал, что они уже взрослые, во-вторых, она им не мать, она никто. Папенька ее не слушает, вот и они не станут.

Я покачала головой и вдруг пожалела, что «папенька» их уже сам повесился. Бедную исчезнувшую из этого тела девочку было жалко, а вот взрослого мужика с мозгами трех-

летнего инфантила – ни капли. Наоборот, хотелось от души накостылять поганцу кочергой, так, чтобы до морковкина заговенья выбитые зубы пересчитывал, недоумок подколодезный.

Бераника как могла пыталась наладить быт бестолкового семейства. Неумело, через пень колоду... но старалась. А этот идиот не просто не помогал – еще и мешал, без конца шпыняя ее при детях и указывая на то, что благородным господам не пристало шариться по оврагам в поисках хвороста и он не позволит учить этому своих наследников. Экономить уголь ниже их достоинства, и покупать три мешка черной муки вместо одного белой – это для крестьян...

Этот, прости господи, аристократ вшивый на днях закатил грандиозный скандал из-за того, что его отчаявшаяся жена пешком отправилась на постоянный двор у имперского тракта и там обменяла свои золотые серьги на лекарство от простуды, крупу, овощи и горшок топленого сала... То, что наивную девочку обдурил ушлый хозяин трактира, – сомнению не подлежит. Но она хотя бы попыталась!

Я решительно встала с березового чурбака и расправила плечи. Ничего, баба Ника, то есть Бераника теперь. Где наша не пропадала. Что я, детей воспитывать не умею? Или с печкой не справлюсь? Или у спекулянтов золотые зубы свекровкиной прабабки на молоко не меняла? Здешних ушлых торгашей ждет знатный сюрприз.

Главный поганец сгинул – и слава богу, от Бераникиных

воспоминаний о муженьке аж с души воротит. А с хозяйством и с капризами справлюсь! Дом крепкий, участок под огород есть, руки тем концом к плечам приставлены. Да я не просто выживу, я тут светлое будущее построю без всяких там теорий всеобщего счастья!

Глава 4

Поздняя весна да раннее лето – самое голодное время. Особенно для тех, кто тонкостей не знает. Прошлогодние запасы подъедены, новые еще даже не завязались толком. Лес, который я оглядела с покосившегося крыльца, начинался сразу за старым плетнем, полупрозрачный, с легкой прозеленью. Ни грибов, ни ягод, ничего.

Быстрая ревизия в доме показала, что с голоду мы прямо сегодня не умрем – полгоршка того самого обменного сала еще осталось, муки небольшой мешок, килограммов пять примерно, такой же мешок дробленого овса, четыре луковицы, кулек сушеной морковки – стакана три оранжевой трухи. И еще один большой куль в сенях – с крупной, сероватой солью. Вот и все припасы. Не густо... но умеючи можно семью накормить.

А самое радостное – в потрескавшемся деревянном ларе я нашла штук пять подвявших, позеленевших и проросших картофелин! Вот где богатство, хотя есть их мы, конечно, не будем.

Зато сама новость, что в этом мире, в этом времени, есть такая полезная вещь, как картошка, уже вселяла оптимизм. Я даже выудила из Бераникиной памяти все, что с этим делом связано, – кажется, в самом начале скорбного пути за Хребет на каком-то из постоянных дворов близ столицы сер-

добольная жена трактищика, перебиравшая запасы в кладовой, всучила растерянной девушке мешок с негодными в суп клубнями. И по голове погладила...

Бераника тогда настолько оторопела, что взяла и даже поблагодарила, а потом пару раз даже пыталась их приготовить. Не слишком успешно, так скажем. Ну а я другое дело. У меня от радости даже руки затряслись и планов в голове нарисовалось – вагон и маленькая тележка.

Только сейчас важнее разобраться с детской простудой. Это дело такое... запустишь, оглянуться не успеешь – и вот оно, воспаление легких. А про антибиотики здесь наверняка даже не слышали.

Ничего, мы по-простому, по-деревенски полечимся. Све-кровь моя, царствие ей небесное, пятерых в деревне подняла, и ни один не помер. Знатная травница была и меня учила. Иногда и палкой... суровая была женщина.

Вон там, в конце прогалины, петли дикой малины. Ягод, конечно, днем с огнем не найти, а побеги молодые уже есть. А рядом, в тенечке, мать-и-мачеха разложила по влажной земле глянцевито неприветливые листья, подбитые снизу нежным салатовым пушком. А во-он там, за оврагом, на старом засохшем дереве, настоящее сокровище – серо-зеленые пятна лишайника. Имя у него красивое – пармелия. Вкус противный, а польза большая, особенно при простуде!

Ну и молодая крапива у самой калитки – вот уж всегда пригодится. Для начала и хватит... только еще шишек про-

шлогодних на растопку соберу. В углу за печью я мельком видела старый, помятый, давно не чищенный медный самовар. Надеюсь, не дырявый. Господа ссыльные даже не пытались разобраться, что это за агрегат такой, и изводили уголь каждый раз, как нужна была горячая вода.

Самовар не подвел, хотя для того, чтобы его растопить, пришлось побегать – сначала за водой в овраг к ручью, где я мимоходом обнаружила еще одно сокровище – нестаявшие пласты слежавшегося снега, потом с песочком и золой, чтобы оттереть грязь с пузатых боков, потом приспособить войлочный сапог для раздувания... зато дело пошло.

И в комнату, где лежали больные дети, я уже входила во всеоружии. Травы запарила, ушат для теплой воды нашла. Не знаю, зачем прежняя Бераника запихнула в дорожный сундук такую кучу льняных скатертей, – скорее всего, девочка в растерянности хватала первое, что попало под руку. Но мне сейчас эти добротные полотнища ой как пригодятся. И как полотенца, и как простыни, и рубашек на каждый день детям нашить. Нечего в шелках на огороде делать.

Дух в комнате стоял тяжелый – пахло болезнью, потом и давно не мытым детским телом. М-да... Младший хоть спит, а две старшие красотки вытаращились на меня непримиримо-высокомерными взглядами придворных дам, увидавших под тапочком таракана.

– Чего тебе? – самая старшая, Эмилиная, натянула грязноватое розовое одеяло почти до носа. – Не видишь, нам нездо-

ровится? Принеси лучше попить! – и повелительно махнула рукой в мою сторону.

Вот так вот. Память услужливо подсунула мне еще один кусочек пазла в общую картину жизни моей предшественницы. Хорошая была девочка, но бесхарактерная... Всех себе на шею посадила, включая детей.

Ничего, справимся. Вот только следующий осколок воспоминания подсказал, что дети еще не знают о смерти отца. Подумала об этом, и все раздражение как рукой сняло – жалко стало глупых до ломоты в сердце. Эх... это ведь мне им придется рассказать. А потом еще как-то успокоить.

Именно поэтому я не одернула старшую нахалку, а также не обратила внимания на презрительный фырк и кашель средней. Эти две меня пока не особо беспокоили. Если силы козьи морды строить есть, значит, не помирают.

А вот Шон... У мальчонки явно высокая температура, да и кашель сквозь сон мне очень не нравится.

– Ты что, оглохла?! – Эмилина очень возмутилась тем, что я ее проигнорировала. Не привыкла к такому.

– Рот закрой, а то злая муха залетит, – мимоходом, не повышая голоса, уронила я в ее сторону, – они на противный визг знаешь как из лесу слетаются? Лучше, чем на мед. Укусит за язык, он распухнет, за зубами не поместится, щеки надует, между губ вылезет. Будешь похожа на жабу. Хочешь? Нет? Умница. Ну-ка, подвинься... во-от так.

Мимоходом высвободив локонны Кристис из-под локтя

Эмилины, я про себя хмыкнула: десятилетняя красотка, выслушав про лесную муху, тоже закрыла рот и испуганно сжала губы крепче. А мне того и надо.

Ох и разболелся ты, самый младший наследник Аддерли... Не меньше тридцати восьми температура. Кашель сухой, лоб горячий и мокрый, а ступни ледяные.

Ребенок, не просыпаясь, тихонько захныкал и попытался отпихнуть меня слабыми ручонками. Помню-помню, тот еще капризуля. А вот мы тебя сейчас разденем и теплой водичкой... не горячей, не холодной, тепленькой. И насухо вытрем, и сразу в скатерть, как в пеленку.

– Проснулся? – я села на принесенный чурбачок, устроила «кулек» у себя на коленях, заглянула в удивленно хлопающие глаза мальчишки, быстро прикоснулась губами к его лбу, не обращая внимания на слабый писк и ерзанья, и взяла в руки глиняный стакан.

– А кто хочет сказку про страшное чудовище со сломанным хвостом и храброго пастуха, тот сейчас выпьет лекарство. Не-ет, без лекарства не будет сказки. Да, я ужасно противная мачеха, ты правильно угадал. Открывай рот.

Расчет оказался правильным – помимо того, что болеть противно, лежать в постели еще и ужасно скучно. Даже втроем. Болтать надоело, игрушек нет, книжек тоже. И маленькие монстры помимо воли заинтересовались хоть каким-то развлечением – обещанной сказкой.

Иначе были бы мне и истерики с топаньем ногами, и по-

пытки поорать. А чудовище со сломанным хвостом эту троицу так увлекло, что они сами не поняли, как все уже и закончилось.

Дети – существа особенные. Они подсознательно чувствуют то, что не могут понять умом и объяснить словами. И первое, на что они реагируют, – это уверенность взрослого.

Вроде ничего и не изменилось – прежняя Бераника тоже заботилась о них как могла, пыталась лечить, мыть, одевать. Вот только бедолага сама не далеко ушла от своих подопечных и нуждалась в заботе. Я, перед тем как приступить к лечению, сама наскоро умылась-причесалась, рубаху сменила и сразу почувствовала себя гораздо лучше. А ей, бедной, ни умения, ни, главное, сил не хватало.

Нет, старшие вовсе не перевоспитались по мановению волшебной палочки. Какие они мне рожицы корчили, пока я вытряхивала их из грязной постели, помогала умыться, обтереться влажной тканью, расчесаться, выпить лекарственный отвар... Да и мелкий просто устал, наслушался сказок и уснул. Но начало было положено: дети, как-то интуитивно уловив, что кто будет спорить, тот получит муху в рот (или по другому месту), а не еще одну сказку, устроились, наконец, в чистую постель и заснули под историю про Джона и волшебный боб. Температура у Шона еще держалась, но кашель смягчился, и я натренированным чутьем определила – обойдется. Уф...

Только вышла из их комнаты, хотела быстро разобрать

грязное белье и поискать корыто для стирки, – входная дверь хлопнула. И в меня с порога вонзился холодно-презрительный взгляд красивых голубых глаз.

– Где отец? – высокомерно бросил старший, четырнадцатилетний наследник Аддерли и, не разуваясь, перешагнул порог. – Ну? Чего встала? Вот дура бесполезная, зачем только папенька тебя в дом привел!

Глава 5

Ох, как меня очередным куском памяти-то приложило... еле на ногах устояла. Зато многое стало гораздо понятнее.

Например, то, что повесился этот козел, прости господи, не в нашем сарае, а там, где по зубам получил, – на лесопилке. А еще я узнала, куда из этого тела ушла бедная замученная девочка, испуганная и все еще влюбленная в этого непутевого придурка, за которого вышла замуж.

Следом пошла, болезная. Как весть получила вместе с предсмертной запиской, так и... И в ссылку за ним, и на тот свет. Уж не знаю, как у нее получилось, руки она на себя не накладывала. Просто взяла и... умерла. Ну а я заняла ее место.

И вместе с местом мне остались в наследство все ее проблемы. В частности – старший пасынок. Четырнадцатилетний Лисандр Аддерли, обожавший отца и уже только поэтому относившийся к молодой мачехе с плохо скрываемым презрением и ненавистью.

Сначала, когда Бераника только появилась в доме, она принимала его неприязнь почти спокойно и даже не пыталась что-то изменить – мальчик помнит родную мать, болезненно привязан к вечно отсутствующему отцу и вдобавок ревнует того к молодой жене. Это вполне укладывалось в приобретенный в основном из книг опыт молоденькой де-

вушки.

Лисандр должен был уже этой осенью поступить в столичный кадетский корпус, и Бераника просто старалась особенно его не задевать – каникулы перетерпеть можно, а большую часть года мальчик будет учиться далеко от нее.

Не случилось. Ни кадетского корпуса, ни привычной компании таких же богатых наследников, вообще ничего. И бескомпромиссная мальчишеская ревность, помноженная на страх, тоску и крушение прежнего мира, выплеснулась из подростка бурным потоком на кого? Правильно. На мачеху. Не отца же обвинять? Любимого.

И теперь это пубертатное чудо стоит посреди полузаброшенной нетопленной избы у черта на рогах и пытается строить из себя прежнего баловня. И как вот с ним? С ходу оглушить новостью про отца? Жалко, хотя мальчишка по воспоминаниям неумный и довольно противный, чего уж перед собой-то притворяться. Потворствовать его закидонам дальше? Он ведь барские свои замашки не бросит. Вот сейчас – по идее отец на работе, младшие болеют, мачеха, слабая женщина, в доме одна. Нет бы хоть попытался помочь. Как же. Не господское это дело.

Поэтому недоросль предпочитает «гулять» поблизости от дома, медитировать где-нибудь под кустиком на бережку, мечтать, считать пестики и тычинки у цветочков, а потом приходить и требовать обслуживания. И нормального питания. И чуть ли не поклонов в ножки, угу.

И все же с ноги ломать его реальность заявлением о том, что любимый его папочка струсил и бросил их с братом и сестрами умирать с голоду, я опасалась.

Во-первых, какой бы ни был, это ребенок. Ребенок-ребенок, даром что в четырнадцать лет с меня ростом и голос ломается. А во-вторых, кто даст гарантию, что его не переключит и он не сорвется тоже вешаться? А мне по условиям неведомого голоса надо всех четверых спасти и еще пятого где-то отыскать.

Вот ведь... По-хорошему бы ему не только его реальность барскую с ноги обломать, но еще и по заднице бы добавить.

– Ну и где обед? – пока я думала, засранец, как был, в грязной обуви, поперся через чисто выметенную мной комнату к столу и недовольно выпятил губу, не обнаружив там ничего съестного. Это оказалось последней каплей.

– Где ты его пригостишь, там и будет, – спокойно и твердо ответила я и прошла мимо – к лавке у другой стены. Сложила туда грязное белье и обернулась, как раз чтобы обнаружить посреди комнаты раздувшегося от возмущения жабеныша.

– Рот закрой, – я не дала ему времени взорваться. – Детей пугаешь. Они и так болеют. А отец больше не придет. Он умер.

– Да что ты несешь, дура! – предсказуемо не поверил. Или не понял.

Я молча достала из рукава аккуратно сложенный лист

бумаги – предсмертную записку Эдриана Аддерли. Теперь вспомнила – ее принес урядник несколько часов назад, он и объявил, как величайшую милость, что безбожника, святой круг поправшего, исключительно из милости сразу и закопали, но за оградой кладбища. И отпевания не будет. И насчет нас уже отправлен запрос в комендатуру... Ох ты, вот беда откуда не ждали... Ладно, подумаю об этом позже. Сейчас – Лисандр.

– Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать правду и понимать, что шутки кончились, – я говорила спокойно, но, видимо, настолько интонации были не похожи на прежние Бераникины, что его проняло.

Мальчишка секунд пять колебался, а потом все же протянул руку и взял письмо чуть дрожащими пальцами.

Я видела, как его глаза быстро скользили по строчкам, написанным отцовским почерком. Тем самым строчкам, где «я больше не могу... это ниже моего достоинства... ужасные обстоятельства... сатрапы... я уйду непокоренным... не позволю быдлу...».

И ни слова о семье, о детях и о том, что папочка хотя бы вспомнил, что они у него есть. Что они остаются одни, без защиты и без средств к существованию. Ни слова.

Тонкие пальцы с неаристократично обгрызанными ногтями сжались добела, комкая чуть желтоватую бумагу.

– Это ты во всем виновата! – ну, вот и ожидаемая истерика. – Это ты! Это ты!

Голос подростка набирал высоту и в конце концов сорвался на отчаянный вибрирующий визг.

Хлоп! Хлесткая пощечина оборвала этот концерт. И еще раз: хлопок!

Не сильно, но резко, чтобы голова мотнулась, а в глазах, чуть ли не побелевших от крика, появилась мысль.

– Замолчи и слушай! – в моем голосе была спокойная изморозь безжалостности. – У тебя. Две младшие сестры. И брат.

Я схватила парня за плечо и, преодолевая легкое сопротивление, подтащила к двери в «детскую». Чуть приоткрыла ее, так, чтобы была видна кровать со спящими мелкими. – Они. Больны. У них. Никого больше нет. Ты остался единственный старший мужчина в семье! Прекрати истерику сию секунду! Или они тоже умрут.

Мальчишеское тело у меня под рукой обмякло, и парень просто стал заваливаться куда-то набок. Острая жалость снова накрыла с головой, я проворно подхватила Лисандра под мышки и потащила к лавке, не давая упасть. Он и не трепыхался – находился словно в полубморочном состоянии. Черт, и по-другому ведь нельзя было.

Усадить мальчишку на скамью я не успела. В сенях затопали, что-то уронили, послышались невнятные ругательства. Тело у меня под руками окаменело, да меня и саму пробрало. Памятью Бераники – она навсегда запомнила день ареста и ссылки, а также моей собственной... Чужие грубые муж-

ские голоса, неожиданно раздающиеся в сениях, – это навсегда вестник беды.

Дверь бесцеремонно распахнули, и в комнату стали входить незнакомые люди. Ну, то есть как незнакомые. Уже через секунду их лица перестали казаться мне пустыми плоскими овалами в окаймлении торчащих бород. Вот управляющий с лесопилки, вот надзорный инспектор, вот староста ближайшей деревни и другой наш сосед – хозяин постоянного двора, что в пяти верстах, на тракте.

А вот старший офицер, сопровождавший караван ссыльных от самой столицы до Хребта. Кажется, Бераника его так хорошо запомнила, потому что постоянно натыкалась в дороге на его холодный, почти ненавидящий взгляд. В основном он так смотрел на Эдриана и других «заговорщиков», но и жене ссыльного бунтаря тоже доставалось.

– Эххрм! – вся внезапная компания выстроилась у стены полукругом, и вперед выступил надзорный инспектор с какой-то бумагой в руках. Он обвел взглядом убогую обстановку, очень внимательно рассмотрел стоящий на столе самовар, зацепился за ворох трав у глиняной миски и, наконец, соизволил заметить меня и Лисандра.

– А, стал быть, вот и пацан. Можете забирать, господин управляющий. На приiske к тележке пристроите или еще куда... А остальные где? Девоч в служанки господин, стал быть, Шихомир возьмет, в трактир. А младшего и не знали куда деть, да вот господин староста соблагОВОлили, пущай

гусей пасет, авось на прокорм себе отработает. Ну а земельку вы, господин староста, в опеку возьмете, чай не пропадет пустостоем, и какую-никакую копейку сироткам с нее выжмете.

Глава 6

Я почувствовала, как снова окаменел в моих руках Лисандр, и меня как из ушата холодной водой окатило. Гнев поднялся из глубины души, и это он выпрямил мне спину, вздернул подбородок и засиял надменным холодом из глаз.

– По какому праву, господа, вы явились в мой дом и распоряжаетесь моими детьми?

Такое впечатление, что незванные гости долго репетировали финальную сцену гоголевского «Ревизора». С такими лицами они застыли и такими глазами на меня вытаращились. Двинувшийся уже было по-хозяйски в сторону детской староста замер на полушаге и смотрел на меня так, словно на его глазах ожила и заговорила табуретка. Да и остальные недалеко от него ушли.

– Э-э-э-э... м-м-м-м... – похоже, надзорный инспектор споткнулся о мою властную интонацию и несколько растерялся. Наверное, ссыльный контингент не часто разговаривал с ним подобным образом.

– Да это жена евонная, – отмер трактирщик и презрительно сплюнул на мой. Чисто. Выметенный. Пол! – Ничо так вроде на вид... гладкая, хучь и старовата. Возьму, отработает, чай, – и этот подонок похабно ухмыльнулся.

А у меня в голове зазвенело от бешенства. Это он и на девчонок так смотрел? На маленьких таких, на... убью. По-

том как-нибудь. Пока надо держать себя в руках.

– Вы... это, – инспектор пришел в себя и даже поморщился, так ему неприятно было собственное замешательство. – Как вас там...

– Беран Аддерли, к вашим услугам, – голосом ледяной королевы выдала я ему прямо в лицо. – Урожденная баронесса Коршевская.

– Ну, баронессу-то вы нынче забудьте, – злорадно вмешался староста. – Лишенцы вы, на ампиатора нашего, богом данного, покушенцы, сталбыть, и через то враги и неблагонадежные. Так что помалкивай тут, а не то... господин инспектор, мальчика-то я сразу заберу, у меня не забалует, воспитаю, сталбыть, верноподданным гражданином... а старшего надоть сразу на рудник и к тачке приковать, шоб, значить, не бунтовал. Сорная трава, она такая. Воли ей лучше не давать.

Я сжала зубы, но не только от злости, а еще и потому, что мне прилетел очередной обрывок чужой памяти. И вовремя так он в мои мысли ворвался!

– Ошибаетесь, любезный, – я прижала к себе Лисандра, которого уже трясло, и еще больше выпрямилась. – Титула и дворянства лишили моего мужа. И я действительно больше не графиня. А вот моего наследственного имени, как и дворянства, меня никто не лишал! Поэтому я повторяю вопрос: по какому праву вы врываетесь в мой дом и пугаете моих детей?

Вот теперь их пробрало даже больше, чем в первый раз.

Урядник вытаращился на меня с открытым ртом, староста побурел, трактирщик, наоборот, посинел. Надзорный инспектор закашлялся, словно подавился этой новостью.

— Это... как это... ошибка какая-то, — забормотал инспектор минуту спустя и зашелестел какими-то бумагами. — Не было, значит, у нас никаких указаний насчет...

— Да врет она! — зло и сипло вякнул староста. — Не было тут, сталбыть, сто лет уже никаких Коршевских! Сгинули давно! И земля у меня в аренде от общества, а не с каких-то там!

Все это время молчал только один гость — высокий светловолосый мужчина в мундире гвардейского лейтенанта. Судя по тому, каким мрачным взглядом он меня сверлил, ничего хорошего я от него не ожидала. Но вот теперь он вдруг вмешался:

— Все верно, господин надзорный инспектор. Леди Аддерли потеряла титул графини и последовала за мужем в ссылку добровольно. Дворянского достоинства, а равно и добрачного имущества ее никто не лишал. Это... скажем так, поместье — все, что осталось от ее приданого.

Я просто физически почувствовала, как меня отпускает это отвратительное чувство ледяной беспомощности и страха. Это я только внешне изображала железную даму, а внутри все сжалось в комок от ужаса. А если бы я неправильно или поздно вспомнила? А что как наплюют и не послушают — здесь ведь натурально медвежий угол, кому я пожалуюсь,

если что? Хорошо, что офицер вмешался.

Вот только сам мой «спаситель» продолжал смотреть на меня как на нечто лично ему глубоко противное.

– Это... а сталбыть, что выходит-то? – почесал в затылке инспектор и посмотрел на господина лейтенанта слегка опасливо, а потом и меня одарил таким же осторожно-недоумевающим взглядом. – Это...

– Это значит, что госпожа Коршевская, вдова Аддерли, может спокойно собраться и вернуться в столицу, к родителям. И никто не имеет права чинить ей препятствия.

– Ну, – обрадовался инспектор, – так и скатертью дорога! Никто госпожу удерживать и не станет. А вот кровные дети бунтовщика в правах по закону поражены, и, поскольку отец повесился, кормить их некому, поступим с ними, как решено было... А за землю и дом господин староста, к примеру, госпоже выдаст небольшую компенсацию – много-то за неудобья и не полагается, но доехать до столицы хватит.

– Дык выделяю, – судя по всему, староста счел необходимость платить даже малость за то, что уже и так считал своим, личным оскорблением и несправедливостью, потому и разговаривал сквозь зубы. – Но и землю тогда сразу на меня и перепишем! А на сопляке ничо числиться не будет, из милости принят, и все тут!

– Собирайтесь, госпожа Коршевская, – сухо заявил мне светловолосый лейтенант, одарив очередным льдисто-серым взглядом. – Я лично провожу вас на станцию. Вы вернетесь к

родителям и в следующий раз, надеюсь, будете осмотрительнее при выборе спутника жизни.

Я несколько раз медленно вдохнула и выдохнула. Посчитала про себя до десяти, потом обратно. Сжала плечо помертвевшего Лисандра так, что он чуть слышно охнул, но перестал таращиться на меня опустевшими плоскими глазами, сморгнул и прикусил губу.

– Я была о вас лучшего мнения, господин лейтенант! – все так же сухо, безэмоционально и твердо. – Вы, мужчина, дворянин, предлагаете мне уехать и бросить беспомощных детей на верную гибель?! Да как вы смеете!

О-о-о-о, как он вспыхнул гневом! Желваки на скулах заиграли, руки в кулаки сжал, выпрямился так, как будто я его по спине кнутом огрела. Несколько секунд мы играли в гляделки, прожигая друг друга взглядами, а потом... потом он первый отвел глаза.

Вот только злиться не перестал. Я прямо слышала натуральный скрежет зубовой. За что он меня так ненавидит? Точнее... я теперь вспоминаю – ненавидел он моего мужа. Так, что едва сдерживался всю дорогу, пока караван кибиток ехал по весенней распутице. И ненависть эта, кажется, была взаимна. Ну а мне доставалось за компанию. Детей же он просто не замечал... или не видел – они почти не выходили из кибитки.

Ну что же, теперь господин офицер имеет все основания не любить лично меня. Что и демонстрирует.

– О детях обещали позаботиться, и... – довольно зло и все еще сквозь зубы начал было он.

Но мой состав уже сошел с рельсов, и его было не остановить.

Глава 7

– Вы действительно не понимаете, что происходит? – неприятным голосом спросила его я, отталкивая Лисандра себе за спину и привычным жестом складывая руки на груди. – Вы, взрослый человек, настолько наивны или намеренно не желаете смотреть правде в глаза? Позаботятся?! Отправят четырнадцатилетнего мальчика в забой и прикуют к тачке! Маленьких девочек отдадут в придорожный трактир, где их сделают не просто служанками, но и проститутками! Что?! Что вы так смотрите? Я говорю неприличные вещи?! Но это правда! Я видела, какими масляными глазами этот... субъект смотрел на мою старшую падчерицу! А самый младший? Вы всерьез думаете, что шестилетний больной ребенок выживет под «опекой» этого... человека?

Я так разозлилась, что от меня по комнате, кажется, искры летели. И мой напор заметно смутил непрошенных гостей.

– Вы... преувеличиваете, и... – даже господин лейтенант заметно растерялся, и его острая неприязнь как будто скомкалась, поджавяла.

– Я ничего не преувеличиваю. Поэтому не двинусь с места и не оставляю детей. В конце концов, это моя земля, мой дом и мои дети. По закону. Никто не смеет принудить меня отдать их. А вы... господин лейтенант... надеюсь, ваша совесть офицера и мужчины подскажет вам, что переносить

личную неприязнь и, вполне допускаю, справедливую ненависть к моему покойному мужу на его ни в чем не повинных детей – недостойно дворянина и просто порядочного человека.

Уф-ф-ф... выпустила пар и слегка опомнилась. Но дело надо было доводить до конца, и потому:

– Я вас больше не задерживаю, господа. Можете идти.

Дверь уже закрылась, и шаги на крыльце затихли, а я все стояла все в той же позе недовольной королевы, со сложенными на груди руками, и смотрела прямо перед собой. Потом с трудом повернулась и наткнулась взглядом на Лисандра, прислонившегося к стенке, белого как мел, дрожащего...

Я хотела к нему шагнуть, успокоить как-то, все ведь вроде кончилось. Но коленки неожиданно подломились, и я села на пол прямо посреди комнаты, судорожно обняла сама себя за плечи и поняла, что меня натурально трясет, как неисправную колхозную молотилку на ухабистом проселке...

И тут едва слышно скрипнула дверь в детскую. Этот звук подействовал на меня как волшебная кнопка: дрожь разом выключилась. Стоило рассмотреть в узкой щели у косяка огромные перепуганные глаза старшей падчерицы, дрожащие и искривленные в немом плаче губы средней и зареванное лицо самого младшего.

Меня неведомой силой подхватило с пола и кинуло к двери. Разбудили, ироды!

Мне уже некогда было думать о том, какими были эти дети

еще час назад – противными, избалованными, колючими и самоуверенными. Сейчас это были просто дети.

– Давно проснулись? – я открыла дверь, поймала инстинктивно отпрянувшую Эмилину за плечо и притянула к себе. Она не сразу отреагировала, пару раз моргнула, и только потом в ее глазах появился хоть какой-то проблеск сознания.

– Папенька... умер... Этот человек нас заберет? – сиплым от напряжения голосом выдавила она, и Кристис тут же заревела в голос. А Шон присоединился.

– Никто вас не заберет, – слабость разом куда-то подевалась, я решительно вздернула подбородок, достала из-за обшлага платя платок, поморщилась – не слишком чистый и мятый... но потом все равно вытерла лицо рыдающей Кристис, потом Шону, подхватила последнего на руки, почти не напрягаясь, с удовлетворением вспомнила, как в молодости удивлялись люди – в чем душа держится, а силушки как у мужика, обернулась, поймала за руку все еще пребывающего в прострации Лисандра и, слегка подталкивая, направляя в нужную сторону, загнала всех в детскую.

Там я уложила младшего в постель, а следом за ним запихнула и всех троих старших, включая подростка. Лисандр только моргал и не сопротивлялся. И ботинки скинул без возражения, и куртку отдал.

Девчонки и младший брат тут же вцепились в него со всех сторон, как маленькие клещи, парень напрягся было, а потом как-то вдруг обмяк. Похоже, случившееся сильно уда-

рило по психике подростка и он временно растерял все привычные шаблоны. А еще он один, кажется, до конца понял главное: я могу уехать. Могу, никто меня не держит, вернусь к нормальной жизни, к теплой постели, завтраку из чужих рук, к столичным развлечениям... а они останутся тут одни. И он пока не знал, как реагировать на то, что я осталась и защитила. Но на всякий случай притих.

Накрыв всю компанию одеялом, я села на постель и погладила старшего по руке, лежавшей поверх одеяла.

– Никто вас не заберет. Теперь я ваш опекун, потому что была замужем за вашим отцом и у меня все права.

– А ты не уедешь? – странно, но спросил об этом Шон, тогда как остальные дети только напряженно всматривались мне в лицо и молчали.

– Без вас не уеду, – спокойно и без надрыва ответила я. – Но сначала нам всем будет трудно. И придется многому научиться. И слушаться вы меня будете как никого, это понятно?

Лисандр тут же упрямо фыркнул и отвернулся, но словно спохватился и замер. Я и не подумала обращать внимание на подростковые взбрыки, как гладила его по руке, так и продолжала, а он что-то не торопился ее отбирать.

– Я боюсь, – прохныкала Кристис. – Мне страшно!

– Всем страшно, – согласилась я. – Но тем, кто сейчас выпьет лекарство и будет спать, станет легче, а вечером дадут вкусный ужин. И все у нас будет хорошо, поняли?

М-да, все же я предпочитаю вредных и непослушных детей насмерть перепуганным. Горький отвар пармелии выпили все, включая старшего. Безропотно. И в кровати остались все.

Я дождалась, пока детей смотрит сон – а после пережитого это случилось довольно быстро, они как перегорели и отрубались без сил, – вышла в комнату и остановилась у стола, глядя в пустоту.

Пообещать, что все будет хорошо и вечером случится вкусный ужин, – легко. А вот как это сделать...

Эдриан, какой бы он ни был изнеженный и неумный, все же приносил с работы хоть какие-то деньги и провизию. Тем более что работал он не лесорубом или грузчиком, как я сначала подумала, пока память не догнала. Нет, грамотный, образованный человек в этом медвежьем углу, пусть даже и ссыльный бунтовщик, лес валить или тяжести таскать не будет. Он работал писарем и учетчиком. Тоже не сахар – по двенадцать часов в день, и каждая кобыла – начальник. Но тем не менее...

Так вот. На его заработок худо-бедно, но мы могли бы жить. А теперь как?

Меня на работу никто не возьмет, да и врагов в ближайших соседях я себе нежданно-негаданно нажила. Белокурый офицер с лицом благородного викинга не в счет – после моей отповеди он не станет мстить слабой женщине и детям. А вот трактирщик, которого прямо обвинили в сладостра-

стии и похоти к маленьким девочкам, и староста, которому не досталась моя земля, – это серьезные противники. Серьезные-серьезные, и пакостей наделать могут много.

А самое главное, что мимо них мне ведь некуда сунуться ни за продуктами, ни за чем другим. Назло палки в колеса вставлять будут, знаю я эту гнилую породу.

Если только напрямую через этого викинга к коменданту гарнизона обратиться... но это позже. Пусть остынет господин лейтенант, а потом можно будет попробовать сыграть на его благородстве и чувстве вины – зацепили же его мои слова.

Но до этого момента еще надо дожить и детей сберечь. Я ведь, пока этих четверых отбивала, даже не вспомнила о какой-то там сделке с нечистым. Потому что и без договоров всяких не бросила бы...

Я потеряла лоб ладонью – голова гудела – и вышла на крыльцо. Закат над кромкой леса медленно выцветал в ночь. Левее калитки за поваленным плетнем сквозь заросли крапивы пробивались острые стрелы камыша и звучал негромкий, но стройный лягушачий хор. М-да, огород в той стороне не разобьешь.

Так, стоп. Камыш? А сейчас у нас весна? Та-ак...

Ну что, баба Ника, тьфу, надо отвыкать... Бераника Коршевская. Вспомни первую молодость. Голодать не один раз приходилось. И в двадцатых, и в тридцатых, и во время войны, и сразу после. Но выжила, и дети твои все выжили. А

все почему?

Потому, что знания – сила.

Глава 8

– Она сошла с ума, да? – печальным шепотом спросила Кристис у старшего брата, вытаскивая на берег очередную охапку рогоза. Камыш по этому берегу они уже изрядно проредили, собирая его сладковатые мучнистые клубни.

– Не знаю, – мрачно отозвался Лисандр, с отвращением принимаясь очищать корневища от липкой грязи. – Но...

– Но сладкий салат и лепешки на ужин вам понравились, – я ополоснула измазанные в иле ноги, выбралась на твердый берег и расправила подоткнутый подол. – Ничего, дети. Нам главное первое время продержаться. А там с огородом разберемся, ягоды пойдут, орехи, грибы... и на ярмарку съездим. А сейчас придется поработать.

– Но нас не учили! – протестующе выдала Эмилиная, зло бросила в грязь стебель рогоза и шлепнула себя по щеке, раздавив комара. – Это ужасно! У меня будут пятна на лице! И грязь под ногтями! И я не хочу ходить босиком! Зачем ты забрала нашу обувь?!

Да-да, пошли уже третьи сутки с того момента, как у меня дома побывали представители власти. Детки отошли от потрясения и снова начали демонстрировать характер. Ну да ничего, это поправимо.

– Я предлагала тебе намазаться от комаров мазью с дегтем, ты не захотела. Теперь терпи. А грязь из-под ногтей тебе

никто не мешает вычистить, когда закончим работу.

— Твоя мазь воняет! — возмутилась девочка. — Это отвратительно!

— Ну, либо — либо. Или вонь, к которой, кстати, быстро привыкаешь, или комары. Подай мне вот эту охалку, зачем ты ее в ил бросила? И пойди собери то, что я надергала с той стороны. Там немного осталось.

Эмилина зло зашипела, как рассерженный котенок, снова со всей силы шлепнула себя по щеке и, бурча что-то себе под нос, подняла брошенные стебли, а потом удалилась за неровную занавесь камышей.

Саботировать мои просьбы и распоряжения она уже пробовала. Ей не понравилось. Без ужина и без сказки.

За прошедшее время я успела оценить, что значит вернуться в молодое, сильное, здоровое тело. Я и в девяносто не болела, но это же не сравнить! Столько сил — дайте мне точку опоры, и я этот мир запросто переверну.

Для начала успела перевернуть все подворье, навести в комнатах относительный порядок, обшарить доставшийся мне в приданое дом от подпола до конька на крыше, найти массу нужной, хотя и не новой утвари, починить большую часть, влезть в печь и рассмотреть, что вывалившийся от старости кирпич закупорил дымоход и надо разобрать часть кладки.

Пересмотрела, пересчитала, пересортировала и перепрятала все вещи, что мы привезли с собой в ссылку, тридцать

раз поругалась с выздоровевшими девчонками на тему того, что им придется мести пол, трясти одеяла и рвать крапиву, раз они хотят, чтобы я их кормила. Правдами и неправдами уломала Шона полежать в кровати еще денек – вот уж кому хотелось и веник, и крапиву, и бегать босиком по двору, и залезть в пруд!

Но злая мачеха упорно заставляла лежать и пить горькую гадость, хотя кашель вот почти совсем прошел, а жара и во-все не было.

Еще я умудрилась воспользоваться шоковым состоянием старшего: у него тоже отобрала и отличные кожаные ботинки, и штаны из дорогой ткани, и даже форменный гимназический китель, в котором он фасонил по лесу.

Попытка устроить скандал была пресечена на корню – предложением отправляться жаловаться коменданту гарнизона в чем есть, то есть в исподнем.

Я тут мама. Я за всех отвечаю. Я главная. И мои команды исполняются без пререканий! А кому не нравится – милости просим в самостоятельную жизнь. Не держу.

Ну, на самом-то деле держу... не зря портки и ботинки отобрала. Далеко босиком по лесу не уйдет. Но из педагогических соображений поднесла это под нужным соусом.

Всем детям я сшила просторные рубашки и штаны из невыбеленного льна – оказалось, что в эту практичную ткань были завернуты книги и тетради Эдриана и ею же обтянуты все его сундуки изнутри и снаружи. Ну и мой собственный

короб с рукодельем ой как пригодился – где бы еще я взяла в лесу иголки, нитки и ножницы?

Лен с сундуков спорола в момент и с радостью, хватило всех обшить, себя в том числе. И еще запас остался. Нам тут еще зимовать... Кто знает, на что придется обменивать тонкие кружева с шелковых рубашек, на хлеб или на уголь. Жизнь важнее нарядов.

А если, даст бог, обойдется – еще лучше. Дети вырастут, через пять лет за смертью главного фигуранта для них кончится срок ссылки и поражения в правах. Дворянство им автоматически не вернут, но уехать в центральные губернии мы сможем. И там первое время тоже надо будет на что-то жить... и учиться выживанию придется не откладывая в долгий ящик.

Так что старшие дети с кислыми минами помогают мне заготавливать корневища камыша и рогоза. Не картошка, конечно, но сейчас, весной, в них полно крахмала и прочих полезных питательных веществ. Можно варить, печь, сушить, молоть в муку. Хорошее подспорье!

Заодно и про ботинки временно забыли – шлепать по грязи босиком даже удобнее.

Эх, одно плохо: шумные и неуклюжие потомки графа Аддерли лягушек распугали... Придется вечером идти на охоту на дальний конец запруды. И готовить обед на завтра, когда дети уснут. А то ведь истерика будет, если узнают, чье это белое, похожее на куриное мясо в похлебке.

Шон и так уже вчера спросил, почему у птицы в супе такая длинная-длинная шея и ни одного крылышка. Ну, я не стала объяснять, что у ужей с крыльями вообще не очень. Сказала, что это не одна птичья шея, а несколько. А крылышки разварились, и косточки я выкинула. Все поверили.

С одной стороны, хорошо, что у юных графьев не очень с биологией и кулинарией. С другой – рано или поздно мне же и придется их учить. И пресекать истерики. У меня на лягушек вообще грандиозные планы – вспомнила, как мы с дедом в середине девяностых бизнес с французами делали. И ничего, машину на те деньги купили.

– Ну все, здесь пока достаточно, – объявила я, прикинув количество заготовленных клубней.

Мне ответом был радостный стон, который тут же перешел в разочарованный, потому что я вытерла пот со лба рукавом и продолжила:

– Пять минут перерыв, чтобы умыться, и идем на крапиву. Чего «У-у-у-у-у»? Вы хотите специальную обувь, чтобы по лесу бегать, или вы не хотите специальную обувь? Вот. А ну бегом к мосткам, кто последний, того защекочу! Купаться! Так и быть, полчаса вместо пяти минут! – ох и хорошо, что конец весны нынче жаркий, вода на отмели прогревается не хуже, чем в ванной.

Как мало детям пока надо... Радостно заорали все, даже Лисандр. И рванули к старым, но еще крепким мосткам с другой стороны пруда – детям страшно понравилось купать-

ся и беситься на песчаной отмели, там, куда уже не доползали щупальца липкого прибрежного ила, но было еще совсем неглубоко. И щекотки они боялись с большей охотой, чем странных незнакомых людей и неизвестности впереди...

Мои затеи могли не нравиться детям аристократа, непривычная работа их раздражала, отсутствие нормальной обуви и одежды бесило. Но я не просто назвалась взрослой и главной – я вела себя как взрослая и главная. Я знала, что делать, и уверенно вела ребят за собой.

Это очень важно, по себе знаю. Особенно когда ты еще ребенок или подросток. Сколько угодно можно бунтовать, но, когда в момент опасности или неуверенности рядом есть тот, кто точно знает, КАК НАДО... жить становится не страшно. Появляется чувство защищенности. И можно немного побеситься на мелководье.

Ну и еще один маленький секретик. Работать дети не любили. А вот беситься... кто бы позволил им раньше купаться в пруду? Особенно девочкам? Какие бы мордочки они не строили поначалу, им этого самим хотелось, и еще как!

Короче, рычаги воздействия у меня появились, дело за малым.

Глава 9

Крепко стянутая веревочными бандажами тачка бодро подпрыгнула на одном колесе, преодолевая очередной ухаб лесной тропинки. Сидевший на ней Шон весело взвизгнул и вцепился в привязанный тюк, а я остановила Лисандра, впрягшегося в оглобли:

– Все, отдыхай, моя очередь.

Пасынок хотел было возразить, вскинулся, но тут же выдохнул, утер покрасневший лоб рукавом и согласно кивнул. Молодец, вспомнил наш «договор на берегу».

Ругаться можно дома. Когда нет посторонних – есть вариант попробовать убедить меня в том, что кто-то лучше знает, что делать. (Ни разу не убедили, но дети старались, и в целом я хвалила за попытки логично обосновать свои претензии).

Но как только выходим за калитку – все. Мы семья, команда, банда, войско и крепость. Один за всех, все за одного, и слово командира – закон. Потому что иначе нас сожрут – я в красках расписала детям все варианты. Впечатлила до того, что потом несколько ночей пришлось спать с ними в одной комнате – у младших случились кошмары. Зато все всё поняли и приняли.

Сегодня мы впервые покинули заимку и шли в деревню, на ярмарку. Готовилась я к этому походу две седмицы – так здесь называлась неделя. И сейчас мне было что предложить

за то, что я хочу получить. Главное, правильно себя подать и не продешевить...

– Эмилина, ты все помнишь? – спросила я, когда за поредевшей гребенкой молодых елей показалась крытая дранкой крыша местной церквушки – совсем привычной по моим воспоминаниям, только вместо креста на маковке красовался кованый обруч – Святой Круг.

– От тебя ни на шаг. Держаться за руки обязательно. По сторонам слишком не глазеть, но демонстрировать умеренный интерес, – заученно откликнулась девочка и старательно выпрямила спину, изображая осанку без примеси спеси. – Не заискивать, но улыбаться в меру приветливо. Ничего не просить, не ныть, на приветствия отвечать с достоинством, если попытаются задеть или оскорбить – не поддаваться на провокацию и ждать, что ты ответишь.

– Умница, все правильно, – похвалила я, осматривая детей. Одеты мы были очень просто, но не без своеобразной элегантности: тот самый обивочный лен удалось покрасить соком толокнянки и синельника в коричневый и серо-синий цвет, правильно расправленные и высушенные на солнце сарафаны, рубашки и штаны выглядели почти как глаженные, скромная, но заметная вышивка по воротнику, манжетам и подолу смотрелась нарядно, правильный крой превращал простые балахоны в оформленные силуэты.

Семейство Аддерли отнюдь не выглядело несчастными нищими побирушками, хотя и богатством тут не пахло. Ба-

бы в деревне остроглазые, оценят, взвесят, разберут крой по выточкам. И разговоры пойдут нужные – про вдову с руками, головой, хотя и без денег.

Делать вид, что у нас есть какие-то там богатства припрятанные и мы явились в деревню ими щегольнуть, мне сейчас не с руки – не дай бог, найдутся лихие люди и решат ограбить беззащитную заимку. Я не отобьюсь, хотя кое-какие меры приняла. Но это все несерьезно. Эх, мужика бы на подворье... хорошего, путного. Да где ж его возьмешь?

Поэтому мы бедные, взять с нас особо нечего. Но умные и «себя понимаем», как говорили деревенские о людях с чувством собственного достоинства во времена моей первой молодости. Так о нас в округе и должны думать.

Через эту деревню, а точнее, полноценное село, мы проезжали ранней весной, когда улицы тонули в озерах жидкой грязи, а почерневшие за зиму дома выглядывали из-за голых плетней нахохленно и неприветливо. Беранике тогда было не до оценок и рекогносцировки. А вот я сейчас смотрела по сторонам зорко, все примечая, оценивая и запоминая. Весна, конечно, раскрасила пейзаж в яркие цвета, затянув обочины, заборы и дворы кудрявым тюлем зеленой листвы.

Село большое – своя церковь, сходная изба, солдаты гарнизона на постое, штаб волостной, почти сто дворов, целых четыре улицы. Ну и на выселках еще народишко. Так что народу сегодня, в предпоследний день седмицы, на базарной площади, как раз между резным храмовым крыльцом и стро-

гими, темно-серыми в белую полоску воротами гарнизонной конюшни, собралось немало.

Торговали прямо с телег и расстеленных на земле дерюг всем, что в крестьянском хозяйстве родится или пригодится. Больше всего, конечно, было съестного. А запах пирогов так густо плыл над толпой – даже крики зазывалы казались лишними, так и тянуло в ту сторону.

Я нарочно досыта накормила детей перед походом, хотя они пробовали даже немного покапризничать, мол, куда столько. И ничего, что ели мы не те самые пироги да каши, о которых сейчас звонко распинался деревенский зазывала, а щи из молодой крапивы, лягушек и клубней камыша. Ну и салатом из разных съедобных трав заедали. Пришлось чуть ли не с ложечки кормить, а потом чуть не волоком тащить отдувающихся и стонущих колобков по тропинке, пока у них там в животах все не улеглось.

Зато теперь отпрыски рода Аддерли смотрели вокруг сытыми равнодушными глазами, а не таращились, сглатывая слюну, на выставленные яства, как некоторые деревенские мальчишки, шнырявшие между рядов.

Шон вдруг соскочил с тележки и пошел рядом со мной, держа меня за руку и словно бы ненароком прижимаясь.

– Бера-а... мне не нравится, как они все на меня смотрят.

– Потерпи, Шон, – я в очередной раз уступила ручки от тележки Лисандру и положила руку на плечо младшему.

– Мы здесь люди новые и необычные. Поэтому всем инте-

ресно на нас посмотреть. Помнишь, что я говорила про первое впечатление? Мы – Аддерли, и пусть даже временно потеряли титул, свое достоинство мы не теряли.

Конечно, говорила я это больше для старшего пасынка и девочек, но даже Шон меня понял. Так что под прицелом любопытных, настороженных, недоброжелательных и даже завистливых глаз мы прокатали свою тележку в дальний конец рыночной площади, туда, где местные бабы продавали свое незатейливое рукоделие, собирая дочерям на приданое.

Спокойно заняв место в самом конце цепочки торговок, мы с Лисандром разгрузили тележку, перевернули ее и накрыли куском небеленого льна.

Дети достали и расставили примитивные складные табуретки – у меня муж на рыбалку себе такие делал. Два изогнутых аркой ореховых прута достаточной толщины, их концы-ножки, перекрещенные ножницами и скрепленные с помощью прожженной шилом сквозной дырки и еще одного прутка. Ну и наверху кусок льна, натянутый между получившимися деревянными рамами.

Мы расселись, и я выложила на «прилавок» то, что собиралась продать. Нет, те бабы, что толкались локтями и многозначительно перемигивались, косясь на наши приготовления, не получили того, на что рассчитывали. Никаких «барских» кружев за три гроша от безысходности, никаких «цацек», последних остатков былой хорошей жизни.

Во-первых, на полотне оказались аккуратно смотанные на

палочки шелковые нитки разных цветов. Это товар всегда востребованный, уж я по своему опыту знаю, а если правильно распустить и смотать всего один полосатый шелковый шарф, катушек этих получается не так и мало. Больше десятка. Правда, муторная это была работа и кропотливая, но оно того стоило.

А во-вторых, я аккуратно расставила на оставшемся свободном месте несколько пар тапочек. Простых, дешевых в производстве и невероятно удобных в носке. Такую обувь когда-то носили самые бедные испанские крестьяне, и называлась она в нашем мире соответственно: эспадрильи.

Да, я и мои дети были не только одеты с иголочки, но еще и обуты, что по деревенским меркам вообще шик и блеск. Обувь здесь и сейчас стоит не просто дорого – очень дорого, и ее мало.

Вот в эти самые эспадрильи мы и были обуты – подошва сшита из крепко связанного, сшитого и пропитанного древесной смолой крапивного жгута, а верх все из того же незаменимого обивочного льна. С вышивкой!

Глава 10

Примерно с полчаса мы простояли словно под стеклянным колпаком. Народ смотрел издалека, шушукался – особенно, конечно, бабы и девчонки. Воздух уже потрескивал от всеобщего любопытства, но первым подойти никто не решался.

Мы с детьми этот момент репетировали несколько раз – все четверо смирно сидели на своих стульчиках, подстелив на колени льняные котомки, и заплетали в плотные косички крапивное волокно – из таких вот косичек я потом собирала подошвы для эспадрилий.

Это занятие давало возможность не ежиться под пристальными взглядами, а еще не давало скучать. Прогулка по ярмарке для развлечения и утоления любопытства была твердо обещана как завершение нашего визита, и теперь младшее поколение Аддерли ее терпеливо ждало.

Не то чтобы они за две недели так уж перевоспитались. Во-первых, детей в этом веке сызмала учили помалкивать и не лезть поперек батьки в пекло. Даже дворян. Во-вторых, им было просто страшно и неуютно в незнакомом месте, и рассчитывать они могли только на мою защиту. А я ясно дала понять, что защищать буду тех, кто мне в этом не мешает.

Наконец, от толпы селянок отделилась довольно рослая женщина в летах – судя по фигуре и мелкой сеточке морщин

на загорелом лице, уже большуха в своем доме, лет за сорок – сорок пять. Одета она была в добротную ситцевую блузу, бежевую в бледно-голубой цветочек, и черную полотняную юбку с серым фартуком.

Она подошла, осмотрела мой товар, детей, с невозмутимым видом поправила скромный, но чистый платок на голове и прищурилась на меня:

– Почем нитки продаешь, барыня?

Я прямо посмотрела в ответ и чуть-чуть приподняла уголки губ в приветливой полуулыбке:

– Не обессудь, любезная, не знаю здешней цены, не приценилась еще. Первый раз на таком торгу. Вот если соблаговолишь хороший совет мне дать и правильную плату назначить, я тебе катушку-другую так отдам, от души и в благодарность.

– Ишь ты, – баба склонила голову и уставилась на меня с возросшим интересом. – И не побрезгуешь совет принять от простой селянки?

– Умными советами только дурак брезгует, – я пожала плечами и уже по-настоящему улыбнулась собеседнице. – А кто с разумом дружно живет, тот ни перед какими людьми не кичится.

– Это ты верно сказала, – кивнула женщина, глядя на меня уже гораздо приветливее. – А это у тебя что за опорки неведомые? – она ткнула пальцем в крайние эспадрильи, с вышитыми голубой ниткой простенькими пятилепестковыми

ми васильками.

Я оценила примолкший вокруг нас базарный гомон и про себя усмехнулась. Разговоры со мной вела одна эта женщина, но слушали все. Сейчас главное – создать правильное первое впечатление у всех этих людей, и особенно у женщин. Нам тут жить.

– Обувь такая, называется эспадрильи. А по-нашему – тапочки. В западных землях у моря такую испокон века простые люди шьют и носят. И удобно, и красиво, и недорого. Человек с малым достатком себе позволить может, а все бо-сиком по грязи не ходить, лапти не топтать, и вид приличный. Особенно хорошо в таких молодым девушкам, кому время пришло женихов искать и по посиделкам гулять. И ножка изящно смотрится, и показать не стыдно. Да и в поле на жнивье обутым тоже приятнее будет – не мне тебе рассказывать, как стерня ноги колет. И главное, на босу ногу обул и пошел, не лапти наматывать по три зари.

Я чуть подобрала подол сарафана, ровно настолько, насколько позволяли приличия, и продемонстрировала собственную ногу, обутую в льняную эспадрилью на крапивной подошве.

– Видишь, подошва смолой пропитана? Не стопчется быстро и сырость не сразу пропустит. По лужам не побегаешь, конечно, но, если дождем слегка прибьет – не страшно. Да и сохнут они быстро.

– И почем отдашь? Или опять совет тебе дать?

Мой расчет оказался верным. Не только эта тетка заинтересовалась, остальные тоже смотрели с жадным любопытством и явно ждали моего ответа.

— Не откажусь и буду благодарна, — я кивнула и подвинула в сторону собеседницы самую нарядную пару. — Выберешь, какие тебе по нраву. А если малы или велики окажутся, веревочкой ногу измерим, и сделаю нужное к завтрашнему дню.

— Разумные ты вещи говоришь, барыня, — удовлетворенно кивнула тетка. — Как же так получилось-то, люди бают, семья твоя против императора нашего батюшки злое дело замышляла? Недаром же выслали вас в нашу глухомань.

И опять рынок вокруг притих в ожидании моего ответа.

Я вздохнула:

— Так уж вышло, любезная. Доля наша женская везде одинаковая, что у селянки, что у дворянки, — дом вести, детей растить и мужа ждать. Я и ждала... в мужские дела не лезла. Дождалась, как видишь. Ну а дальше — куда он, туда и я, как святой круг предназначил.

Народ вокруг загудел, бабы начали перешептываться активнее, но в их голосах мне слышалось все больше сочувствия.

— Ой и верно, бабоньки... доля наша такая... — слышалось то с одной, то с другой стороны.

— Стал бы он, злодей, перед женой-то отчитываться... графья, оне такие.

— А куды б она делась, ежели его с семьей сослали?

– И деток же не бросишь... ну дык и не родные, а уже свои – мужа венчанного дети. Правильно все. По-божески, по-людски.

– И хозяйка, видать, справная... вона ребятишки умытые, сытые, и при деле.

– Повезло окаянному, да рази ж мужики ценят?

– Не побирается, носа не дерет, с делом вона пришла, с уважением к обществу!

У меня с души свалился один из лежащих там тяжеленных камней. Расчет оправдался... Время в империи сейчас сытое, ни войн, ни потрясений, даже в самых дальних селах люди не голодают. А сытые люди – добрые люди. И если зацепить за эту доброту правильным крючком – можно добиться правильной реакции. Я поставила на женскую солидарность и выиграла.

Задаром, конечно, никто нас тут любить не будет. Но отношение приветливое сформируется. Не сразу, не скоро своими станем, но надо же с чего-то начинать. Хотя бы с доброжелательных сплетен, бабского сочувствия и взаимной выгоды.

Словно повинуюсь невидимому сигналу, женщины окружили тележку и всюю приценивались к товару, обсуждая и нас, и торговлю, и погоду вокруг с одинаковой непосредственностью.

Мне оставалось внимательно слушать, уважительно поддерживать беседу и улыбаться. Цену мне хором пообещали

справедливую, не упырихи ж они тут, чать, вдову и сирот грабить. И тут же заспорили между собой, сколько чего может стоить. А когда узнали, что я хочу не денег, которые в деревнях все же редкость, особенно у баб, а лучше поменять на продукты и некоторые другие полезные вещи из их хозяйства, – я вообще стала самой дорогой гостьей на торжище.

– А ну разойдись! – в женский веселый щебет вдруг тяжелым колуном врезался зычный недовольный голос. – Разойдись, сказано!

Сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая односельчанок, пробился староста. Остановился прямо перед тележкой и уставился на меня тяжелым злым взглядом.

– Чего это тут? Кто дозволение дал? Ишь, удумали! И выщенок отбросовых притащили людям показать, не постеснялись! Не надобно нам тута бунтовщиков да смутьянов! Прочь!

Глава 11

Вежеслав Агренов:

– Веж, составишь компанию? – спросил поручик Шилов, откладывая перо и сладко потягиваясь в кресле. – Черт бы побрал эту канцелярщину... не могу больше. Пойдем пройдемся, воздухом подышим.

– Что? – машинально откликнулся я, отрываясь от отчета интенданта, в котором тот самый черт сломал бы не просто ногу, а все копыта разом.

– Я говорю, погода хорошая, пошли пройдемся по рынку, – Деметрис торопливо убрал бумаги в ящик своего стола и встал, одергивая мундир. – Хотя какое-то разнообразие в этой дыре. Веж, не спи, замерзнешь! Что-то ты странный в последнее время. Кажется, после того визита к вдове бунтовщика? Неужели настолько приглянулась?

– Перестань нести чушь, – сухо оборвал я, тоже встал из-за стола и взял фуражку. – С чего тебе это в голову взбрело?

– Раздражительный ты с тех пор какой-то, – фыркнул Дем. – И в стену смотришь пылающим взглядом, скоро дыру на улицу прожжешь.

Я ничего не ответил, молча надел фуражку и вышел из кабинета, выделенного нам комендантом в гарнизонной канцелярии.

Досадовать можно было только на себя самого. Кой черт

толкал меня под руку написать рапорт и попроситься в конвой именно этого каравана ссыльных? А потом еще и остаться на год в гарнизоне? Гордыню потешить? Увидеть унижение бывшего врага? Отомстить? Или все же воспользоваться случаем и узнать у него, наконец...

Ничего я не успел узнать. Вся эта история со смертью брата так и осталась тайной с примесью грязи, а ублюдок Аддерли оказался бесхребетным трусом и повесился сам. Никакого удовлетворения я не испытал, наоборот...

Давно меня так не размазывали. И кто?!

Когда я впервые увидел ее в караване, даже не обратил внимания. Тем более что уже слышал историю второй женьтибы графа. Очередная столичная вертихвостка, смазливенькая куколка, избалованная дочь богатых родителей, самонадеянная и глупая, купившаяся на павлиний хвост, громкий титул и «роковую тайну» первого попавшегося ловеласа.

Знаем мы таких девиц.

Первое впечатление было под стать – столичная штучка была в ужасе и полуобмороке оттого, что ее увезли от привычных удобств, балов, кучи горничных и туалетного столика с новомодными притираниями.

Мне было и жалко, и противно. И, признаться, даже мысли не возникало о том, что на ее попечении еще и дети. К моему стыду, я вообще забыл, что хлыщ Аддерли успел завести четверых, прежде чем овдовел. Наверное, потому, что его первая жена никогда не мелькала в светском обществе и

жила затворницей. Это граф порхал по балам и сомнительным салонам, увлекался нигилизмом, крутил романы, заводил интрижки... пока не промотал состояние.

Теперь, задним числом, мне уже мерещится и вовсе несусветное. Не слишком ли вовремя умерла первая леди Аддерли, чтобы скорбящий вдовец подыскал себе новую дурочку с богатым приданым?

Но не суть. Даже эти мысли не особенно меня беспокоили, когда инспектор доложил в комендатуру о самоубийстве одного из ссыльнопоселенцев. Я был в ярости – ушел, с-сукин сын! Ушел! Струсил!

Сам взялся разбирать все бумаги, связанные с опальным графом, в надежде найти зацепку. Хоть какую-то. И ничего. Черт!

Зато когда обнаружил, что жена графа теперь может спокойно уехать домой, под крылышко к маменьке и папеньке, поскольку кровных детей бунтовщику она не родила, думал, что столичная штучка рванет отсюда с первой же оказией, теряя бальные туфельки.

Вот я ей эту оказию организовать и собирался. Оплатить проезд и даже дать сопровождающего со всеми документами. В обмен на личные бумаги покойного мужа и ответы на некоторые вопросы. Мало ли... вдруг он под хмельком проболтался или во сне разговаривал. Других зацепок у меня нет.

Дети? Тут я осел, конечно. Поверил на слово инспектору,

дескать, не впервые, не звери же вокруг, общество присмотрит. Попечителей найдут из уважаемых людей.

Когда хрупкая девушка с осанкой опальной императрицы с размаху влепила мне в лицо про ум, честь и совесть дворянина, я почувствовал себя не только подонком, но и последним идиотом.

Так стыдно мне не было с тех пор, как мать поймала меня, двенадцатилетнего, подглядывающим за соседскими барышнями в купальне. Маменька тогда отхлестала по щекам и заставила извиняться перед отцом тех девушек. Хорошо хоть, не перед ними самими – решили не травмировать нежные целомудренные души.

Всю дорогу обратно в комендатуру казалось, что щеки горят огнем, как после тех материнских пощечин, хотя Бераника Аддерли меня пальцем не тронула. У меня сложилось впечатление, что она просто побрезговала ко мне прикасаться.

Чер-р-рт! Сам мог бы головой подумать, а не позволять чувству мести и жажде узнать, наконец, всю подноготную гибели брата затуманивать мне мозги. Ехал обратно, и как пелена с глаз спала: что я, не видел раньше злобной жадности в глазах деревенского старосты? Или не знал, что в трактире, имея деньги, можно «снять девочку» из горничных? Даже совсем молоденькую?

Просто думать не хотел. Зациклился на своем и прохлопал ушами. А когда меня ткнули носом, разъярился до край-

ности – никто не любит чувствовать себя последним недоумком.

Понятно, почему постепенно злость на себя трансформировалась в злость на эту... на эту... откуда что взялось?! И где раньше было?

Неужели скотина Аддерли настолько запугал свою молодую жену, что она при нем ни глаз не поднимала, ни голоса не подавала, вот и смотрелась куклой?

– Веж! Опять задумался? – Дем толкнул меня в плечо и вышел на крыльцо. – Хватит киснуть, смотри, какое солнце! А какие девки румяные! Кровь с молоком! Не то что бледные немочи в столице, горничную ущипнуть не за что. У-ух!

Я мрачно покосился на Шилова. Кому что, а этому пышную девку подавай в любой ситуации. А мне ни на кого смотреть не хотелось – на душе кошки скребли.

Мы с поручиком медленно шли вдоль рыночных рядов, лениво прицениваясь то к румяным калачам в черных веснушках мака, то к горшку домашней желтоватой сметаны с прожилками масла на пенной шапочке.

Дем отпускал торговкам комплименты, перешучивался с молодыми девками, ну и у меня постепенно исправилось настроение. Не то чтобы оно стало радужным, но едкая досада немного отпустила.

Мы уже почти дошли до конца рынка и собирались поворачивать обратно к комендатуре, когда до нас донеслись какие-то скандальные вопли. Вроде староста орет?

– А там чего? – спросил Шилов, оборачиваясь на шум и с любопытством шевеля своим острым носом. Вот... не зря его в корпусе хорьком прозвали.

– Да нам какое дело, околоточный пусть разбирается, – поморщился я, но было поздно: поручиково любопытство уже потащило его в гущу толпы. Я недовольно дернул щекой и пошел следом.

Как чувствовал!

Неприятный, с какими-то злорадными привизгами голос старосты бил по ушам, пока заметившие нас деревенские бабы быстро расступались. Еще пара шагов – и я остановился как вкопанный.

Возле аккуратной на вид тележки, покрытой тканью, с разложенными на ней мелочами, загородив робко жмущихся за ее спиной детей, стояла вдова Аддерли. Все такая же прямая, со вскинутым подбородком и ледяным спокойствием в глазах, она смотрела на беснующегося перед ней здоровенного мужика и что-то негромко ему отвечала. Прочие бабы, сгрудившиеся вокруг, смотрели на собственного старосту сердито и испуганно, как на бешеного пса.

Слушать орущего жлоба было неприятно, я с досадой поморщился и уже хотел шагнуть к старосте, и тут женщина заметила меня.

– Господин лейтенант! – голос ее прозвучал одновременно вежливо и требовательно. – Мне нужна ваша помощь как мужчины и офицера. Надеюсь, вы уладите возникшее между

мной и уважаемым старостой недоразумение!

Глава 12

Вежеслав Агренов:

У меня на секунду голос пропал от такой... наглости?

С чего эта дамочка взяла, что я буду ей помогать?

Нет, жлоб, который орет тут не своим голосом, – он мне отвратителен. Но она-то тут при чем?

Я уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но вдова Аддерли меня опередила:

– Я не сомневаюсь, что имперский офицер и человек чести не пройдет мимо женщины с детьми и не оставит ее без помощи и защиты, – глядя прямо мне в глаза прежним требовательным взглядом, выдала она.

И опять меня как ушатом помоев окатили! Да потому что она права! Черт возьми! Она женщина, попавшая в трудное положение не по своей вине! Причем женщина, которая не бросила чужих ей, по сути, детей и ради них отказалась вернуться в нормальный дом к родителям... Она как раз поступила как настоящая дворянка и человек чести.

А я последний подонок. Если тут еще чем-то возмущаюсь, пусть и про себя, и считаю себя при этом мужчиной.

Меня чуть не подбросило от злости. На самого себя и на нее... Да знаю! Знаю, что на нее злиться неправильно! А толку?!

И не помочь ведь не могу. Правильно она рассчитала, черт

побери!

– Вот что... м-м-м... любезнейший, – холодно одернул я пыхтящего от ярости старосту. – Объяснитесь. Что вам понадобилось от этой женщины и ее детей?

Бабы вокруг одобрительно загудели – они явно поддерживали в этом вопросе свою товарку, тоже женщину, хоть и другого сословия. Но открыто выступать против старосты опасались – он здесь, в глуши, царь и бог. Такое с непокорной сделать может, что поневоле задумаешься.

– Вы, вашбродь, не по делу суетесь, вот вам круг святой! – забухтел староста, злобно посверкивая глазками то на Беран Аддерли, то на меня. – Здеся сельский торг! И нам тута бунтовщиков не надобно! А заступаться за покушателей – то дело недоброе, не офицерское, и...

– Ты, крапивное семя, думай, что языком поганым ляпашь! – рыком вмешался поручик Шилов и так грозно навис своим небольшим росточком над бугаистым мужиком, что тот живо втянул голову в плечи и растерянно заморгал. – Ты, смерд, потомственным дворянам и офицерам указывать будешь, что им делать?! А ну пшел вон отсюда!

– Не сердчайте, господин поручик, – староста хотя и пожух, а отступить не хотел. – Да только дело мое правое... право, сталбыть, имею! Не давало обчество ей поручительства и не даст никогда! – тут он так глянул на деревенских баб, что они аж попятились. – А без поручительства не может она тута торговать и не может!

– Я поручительство дам. Офицерское, – холодно процедил я, стараясь не смотреть на вдову Аддерли. – Этого более чем достаточно, не так ли?

Народ вокруг активно зашушукался, какая-то баба в задних рядах радостно хихикнула – старосту своего здешние, по всему видно, не очень любили. Сами против него не выступали, но поражение встретили скрытыми злорадными усмешками.

– Супротив вашего слова мы, конечно, ничего не скажем, – скрипнув зубами, выдавил жлоб. – Особливо ежели через канцелярию, сталбыть... чтоб бумажка, сталбыть... ежели чего случится, и ответчик чтоб был...

Ах ты и впрямь крапивное семя! Решил, что одно дело тут языком трепануть, а другое официально за вдову бунтовщика поручиться? Этот опарыш деревенский мне тут намекает, что я трус, трепло?!

Очень хотелось по-простому дать быдлу в зубы. Но опускаться до его уровня нельзя.

– Вот ты со мной сейчас в комендатуру и пойдешь, – ледяным тоном объявил я. – Лично засвидетельствуешь поручительство и подпись свою тоже поставишь. Чтоб сомнений ни у кого больше не было. Вперед!

– Пшел! – поручик был гораздо менее склонен вести себя аристократично и с видимым удовольствием ткнул старосту в загривок, направив его в нужную сторону. А сам развернулся и элегантным жестом подхватил руку Беран Аддерли:

– Госпожа, позвольте представиться... поручик Шилов к вашим услугам. В любое время! – и поцеловал ей руку.

Вдова ответила ему вежливой улыбкой, а у меня внутри прямо вскипела внезапная злость и раздражение. Не знаю почему, но этот... хоре́к, целующий руки, вдруг стал просто... ненавистен. На секунду. А потом я опомнился. Это еще что такое?! Что со мной?!

Передернул плечами, сухо поклонился женщине и зашагал прочь, подталкивая перед собой старосту.

В комендатуре все прошло быстро и буднично, только начальник канцелярии все поглядывал на меня с интересом, но мои нахмуренные брови удержали его от лишних и бестактных вопросов. Староста вякать побоялся и даже подписал поручительство как свидетель.

– Сталбыть, давайте отнесу этой... барыне-то бумагу, – предложил он после того, как писарь стряхнул песок с просохших чернил.

Мне не понравилось, как хитровато блеснули его маленькие пороссячьи глазки под нависающими бровями. И в то же время я вовсе не хотел сам нести документ вдове. Не по себе мне рядом с ней...

– Свободен, любезнейший, – поручик Шилов тоже, видимо, разглядел в старосте злой умысел. – Без тебя справимся. Сам отнесу.

Вот это мне тоже почему-то не понравилось. Да просто это неприлично! Женщина только овдовела. Какой бы ни был

ублюдок этот Аддерли, а муж. И флиртовать с его вдовой, когда тело толком не остыло...

– Не утруждайтесь, поручик. Раз уж я поручился за госпожу Аддерли, сам ей и передам, – к насмешливому неудовольствию Шилова, я забрал плотный лист гербовой бумаги, машинально проверил четкость печати и вышел из комендатуры, не оглядываясь.

Черт! Похоже, надо будет осадить Деметриса напрямую – намеков он понимать не хочет. Увязался следом, ловелас провинциальный.

К тому моменту, как мы вернулись на место, где стояла тележка вдовы, она уже успела распродать весь свой товар (а интересно... Я сначала думал, что женщина от бедности будет продавать за бесценок хорошие дорогие вещи, оставшиеся от мужа. Но нет. У нее там что-то другое лежало, непонятное, толком не успел рассмотреть) и с помощью старшего пасынка укладывала в телегу какие-то мешки, туески, свертки. Младшие дети держали в руках кое-как плетенные корзинки, в которых, кажется, кудахтали куры. Сама вдова о чем-то степенно и негромко беседовала с деревенскими бабами.

Удивительно. Куда делась ее дворянская спесь? Или я все сам придумал, глядя на графа, а его жену толком и не знал? Просто заранее решил, что она такая же?

Я подошел и уже хотел окликнуть женщину, но вдруг буквально напоролся на хмурый и злой взгляд подростка. Сын Аддерли выглядел чем-то жутко недовольным и на мачеху

тоже смотрел сердито. А на меня и особенно на Шилова и вовсе глянул как на врагов.

– Госпожа Аддерли, смею вас уверить, все улажено! – поручик ничтоже сумняшеся опять поймал женщину за руку и поцеловал. На мальчишку он даже внимания не обратил, а зря. Тот буквально зубами уже скрипел от ярости и готов был кинуться на «благодетеля».

– Я думаю, мне следует проводить вас до дома, – тем временем усилил напор Шилов. Вот... фанфарон! Он что, не видит, что женщине уже вовсе не приятно такое настойчивое внимание?!

– Благодарю, господин поручик, но вынуждена отказаться. Я не смею занимать ваше время более необходимого, да и дорога нам с детьми знакома.

Уф, ну и правильно. И взгляд такой подарила – вроде любезный, а Шилов моментально отстал. Но по разгоревшемуся в его глазах огоньку азарта я понял – это временное отступление. И опять разозлился на сослуживца.

Шилов принялся многословно прощаться, я сухо кивнул и уже повернулся, чтобы уйти, когда она вдруг окликнула меня:

– А вас, господин лейтенант, я попросила бы задержать... на пару минут. Если вам не трудно.

Глава 13

Вежеслав Агренов:

У Шилова был такой забавный вид. Но идти против желания женщины он не посмел, так что у нас с Беран Аддерли появилась возможность поговорить наедине. Ну, то есть... мы просто отошли на пару шагов от тележки, детей и толпы крестьянок.

– Вы что-то хотели, леди?

– Да, господин лейтенант. Я хотела попросить вас уделить еще немного своего внимания старосте, – очень серьезно произнесла вдова. – Я не склонна поддаваться пустой панике, но его взгляд на прощание мне не понравился. Нам с детьми довольно далеко идти до дома по лесу. И я была бы благодарна, если бы вы успели вовремя поднять тревогу, если заметите, что некие подозрительные личности отправятся следом.

Все мои вопросы и вся досада разом исчезли. Она права! Опять права, и как же это бесит. Случиться может всякое. В этой глухомани, в лесу, потом и тел не найдут, и виноватых не сыщут. Вот черт!

– Я сам провожу вас до дома, – я резко кивнул своим мыслям, но она меня остановила:

– Не стоит, господин лейтенант. Во-первых, не будем давать повод для сплетен. Одно дело, когда вы как благород-

ный человек оказали мне помощь и мы с вами общаемся в публичном месте, и совсем другое – пригласить холостого мужчину на прогулку в лес. Вы же понимаете? Кроме того, завидев вас, злоумышленники всего лишь отложат свой «визит». Вы же не сможете охранять нас вечно. Лучше будет поймать их на месте преступления и раз и навсегда отбить охоту так развлекаться. Да и люди воспримут все в лучшем виде – это нормально, если вы заметите подозрительных людей и направитесь за ними, а не со мной по приглашению.

– Но... – я стиснул кулаки. Ее слова были разумными, просто мне все это не нравилось, – с вами дети. Нельзя подвергать их опасности.

– О, не беспокойтесь. Детей я отправлю вперед налегке с наказом как следует спрятаться. Если мои подозрения верны, я собираюсь встретить опасность лицом к лицу, без детей за спиной. Сделаю самое лучшее, что может женщина, защищающая потомство, – она улыбнулась, но как-то невесело: – подманю и спрячусь. А дальше вся надежда на вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.